

Банная капелька тумана постепенно рассеялась, и отражение в зеркале прояснилось.

На удивление, внешность этого тела на восемьдесят процентов походила на её собственный первоначальный облик.

Плавный овал лица, двойное веко со складкой внутри, а когда не улыбается — во взгляде сквозит природная холодность и меланхолия. Но стоит ей улыбнуться, как сразу становится очевидно, что всё это лишь иллюзия, а сама она похожа на хитрую лисицу, способную затуманить разум любому.

Выражаясь языком тех работников медиа, это лицо можно было назвать премиальным.

Многие прославленные режиссеры любили её лицо, особенно кинорежиссеры. Ведь в последние годы по-настоящему природные прекрасные лица, способные выдержать испытание огромным экраном и обладающие колоссальной пластичностью, стали поистине дефицитом.

У неё не было ни влиятельных покровителей, ни связей, но она прекрасно умела использовать свои сильные стороны, в любые моменты оставаясь открытой и уверенной в себе.

За четырнадцать лет она взобралась на самую вершину этого круга.

Однако стоило совершить перенос, как она в мгновение ока оказалась в исходной точке.

Лицо в зеркале по-прежнему выглядело точно так же, как в воспоминаниях, вот только из-за долгого недоедания и нехватки отдыха кожа приобрела нездоровую бледность, под глазами залегли отчетливые синяки, из-за чего даже взгляд со стороны казался мрачным.

Короче говоря, жилось ей действительно скверно.

Она переоделась в изысканную одежду: строгая форменная одежда черно-золотых тонов подчеркивала её высокий рост и длинные ноги, высокие сапоги плотно обтягивали икры, а ремень стягивал талию. Всё это отдавало эстетикой европейской аристократии прошлых веков, и даже лицо теперь казалось гораздо более приятным.

Вот только эта растрепанная прическа выглядела совершенно дисгармонично.

Несколько придворных слуг нерешительно извлекли ножницы.

— Вы что, правда собираетесь её стричь?

— Кт... кто пойдет? А вдруг у нее снова начнется приступ помешательства?

От этого шепота у Жун Хуэй заболели уши. Не говоря ни слова, она сама подалась вперед, перехватила ножницы и парой резких движений чик-чик — соорудила себе маллет.

Жун Хуэй окинула себя взглядом то в одну, то в другую сторону — в целом осталась довольна.

Вообще-то она уже давно заглядывалась на эту стрижку, но волосами женщины-знаменитости нельзя было распоряжаться как попало, и вот теперь наконец удалось всё устроить.

— Это... — служанка уставилась на возвращенные ножницы и опешила.

— До чего же Ваше Высочество сегодня странная. Мало того что позволила нам войти, так еще и сама волосы обстригла.

— Она что, выдает какой-то новый вид безумия?

Жун Хуэй: «.....»

Она бросила на них леденящий взгляд.

Придворные обменялись испуганными взглядами и, прихватив вещи, сбежали так, словно спасались бегством. Жун Хуэй лишь велела им оставить зеркало на месте.

В комнате во весь рост возвышалось зеркало в золотой раме.

Глядя на своё отражение, она наконец смирилась с суровой реальностью.

Раз уж суждено было переместиться — пусть так. Раз уж есть читы — пусть будут... В любом случае, это лучше, чем сгнуться и умереть.

Если подвернется реальный шанс затащить в постель какого-нибудь мужика, она бы с удовольствием проверила, каково это на вкус. Когда она находилась в своем прежнем мире, у неё не раз возникало острое желание отрастить кое-что мужское.

Если округлить, то можно сказать, что её заветное желание тоже исполнилось.

— Ваше Высочество, вы подстриглись? — Вэнь Лян появился за её спиной, и на его обычно спокойном лице застыл редкий след изумления.

— Кто вас подстригал?

Вэнь Лян не забыл, как в прошлый раз он лишь чуть приблизился с ножницами в руках, а Пятая высочайшая особа повела себя так, будто испытала сильнейшее потрясение: схватила стоявшую под рукой фарфоровую вазу и швырнула в него, пронзительно визжа, зажав голову руками и выкрикивая: «Не трогайте меня!» и «Прочь с глаз!».

Шрам у него на виске остался именно с того самого раза.

Жун Хуэй сменила причёску и пребывала во вполне сносном расположении духа:

— Сама подстриглась.

— Сама?.. — Вэнь Лян замер.

Глядя на знакомое лицо молодой женщины-альфы, он добрых полминуты не мог подобрать слов:

— Так Ваше Высочество действительно собирается на день рождения Императрицы-матери?

Жун Хуэй удивилась:

— Разве мы не должны идти? Или я могу не появляться?

— Эм...

Как ему на это ответить? По всем правилам пропускать нельзя, но ведь Ваше Высочество до сих пор не посетила ни единого приема.

Обычно на подобные масштабные празднества во дворец к Пятой высочайшей особе всегда кого-нибудь присылали с приглашением, но та не любила незнакомцев и просто игнорировала посланцев, а Вэнь Ляну вечно приходилось разгребать последствия.

В худших случаях её накрывало приступом, она безумно орала и швырялась предметами.

Сейчас Вэнь Лян совершенно не понимал, что творится в голове у этой особы, поэтому мог лишь ответить честно:

— Идти нужно, но учитывая ваше особое положение... Если вам действительно будет неважно, Императрица-мать наверняка проявит снисхождение.

Жун Хуэй всё поняла. Раз дело обстоит так, то её присутствие или отсутствие особой роли не играют. А раз можно избежать лишних хлопот, лучше их и не затевать:

— У меня внезапно разболелась голова, так что я не пойду.

— Слушаюсь, — Вэнь Лян склонил голову, собираясь передать слова дальше.

— Постой, захвати-ка по пути что-нибудь поесть, — Жун Хуэй находилась здесь уже столько времени, а во рту еще маковой росинки не было. Теперь же, когда подступил голод, ей казалось, что внутренности сводит от спазмов.

Поедит и заодно разложит всё по полочкам, чтобы как следует разобраться в этом мире.

Вэнь Лян замялся:

— Сегодня вечером во дворце банкет, вряд ли у кого-то найдется время готовить еду для Вашего Высочества.

Да даже если бы и нашлось, они наверняка не захотели бы возиться с отдельной готовкой ради Пятой высочайшей особы.

— Разве больше ничего съестного нет?

Вэнь Лян ответил:

— Сейчас нет.

Обычно Пятая высочайшая особа никогда сама не просила еды. Выпивала раз в два-три дня одну порцию питательного раствора — и с нее хватало для поддержания базовых функций организма.

И это еще называется императорской дочерью, до чего же убогая жизнь. Жун Хуэй опустила взгляд на раздумья и тут же заметила недавно смененную форменную одежду:

— Тогда я пойду поем прямо на банкете.

Сидеть сиднем в этой проклятой дыре — тоже не выход, а голод уже донимал её до чертиков.

Правда, перед уходом она не забыла велеть Вэнь Ляну распорядиться, чтобы покои как следует привели в порядок.

У действующего императора было шестеро детей. Первенцем оказалась женщина-альфа, такая же, как Жун Хуэй, — Жун Се. Она же являлась единственной состоящей в браке среди всех шестерых и уже два года как участвовала в управлении государственными делами.

— Во дворце, помимо Его Императорского Величества и Императрицы-матери, наибольшим весом обладает именно это Старшее высочество. — Вэнь Лян боялся, что на банкете она наломает дров, поэтому всю дорогу добросовестно просвещал её, независимо от того, усваивала она информацию или нет.

Жун Хуэй кивала. После интенсивной зубрежки она наконец уяснила: в этом мире существует не два пола (мужской и женский), а целых три вторичных половых признака — альфы, бета и омеги. В сочетании с традиционным делением это разделяло людей на шесть категорий.

Впрочем, со временем традиционные полы стали постепенно отходить на второй план, а триада А, Б, О превратилась в доминирующие общественные маркеры.

Альфы являлись прирожденными правителями с наиболее выдающимися талантами и способностями во всех сферах, и большинство из них пользовалось высоким социальным положением. Именно поэтому придворные ранее упоминали, как повезло ей уродиться альфой.

У бет вторичные половые признаки выражены слабо, во всех отношениях они были весьма посредственны.

Самой уязвимой группой оставались омеги: их тела отличались хрупкостью, и на них в основном ложилось бремя деторождения и вскармливания.

Если рассуждать так, то здешние мальчики тоже могут вынашивать малышей?

Жун Хуэй широко распахнула глаза, ощутив сильный прилив любопытства.

— Ого, кого я вижу? — внезапно раздался крайне заносчивый голос, и следом Жун Хуэй ощутила тяжелую руку на своем плече.

— Да это же пятая сестрица! Какая неожиданность! Ты чего это вылезла из своей норки грибы растить, решила сюда припереться забавы ради?

Мужчина был крепкого телосложения, в левом ухе сверкала красная сережка, а на правом брови темнели три шрама от рассечений. Весь его облик резко диссонировал со строгим черно-золотким мундиром, производя при первом взгляде весьма вызывающее впечатление.

— Приветствую Четвертого высочайшего особу. — Стоявший рядом Вэнь Лян отвесил безупречный придворный поклон.

Жун Хуэй подражательно бросила:

— Четвертый брат.

Жун Фань дернул рассеченной бровью, рука, лежавшая на плече Жун Хуэй, выписала дугу, и он не сильно, но ощутимо похлопал ее по щеке:

— А ты еще помнишь, как людей называть?

Этот жест был наполнен пренебрежением и фамильярностью. Жун Хуэй почувствовала внутреннее раздражение, ее голос слегка похолодел:

— Скоро начнется день рождения Матушки.

— Ты что, и впрямь пришла на банкет? — Жун Фань машинально ухватился за волосы Жун Хуэй, разглядывая ее лицо, и вдруг усмешка на его губах постепенно исчезла.

Не видевшись порядочное время, он неожиданно поймал себя на мысли, что Жун Хуэй неуловимо изменилась.

Он не мог точно сформулировать в чем дело, но само ее лицо, оставшись прежним, теперь производило совершенно иное впечатление.

Словно зазимовавшее мертвое дерево пустило почки: от мрачной мертвячины не осталось и следа, сменившись живой и бурной энергией.

Жун Фань почему-то ощутил угрозу.

— Четвертый брат, ты мне волосы выдернешь, — Жун Хуэй попыталась отстранить его руку. За время съемок она немного обучилась боевым искусствам, но сил у этого парня оказалось слишком много, сдвинуть его с места не получалось.

Дорога пролегла через главный проход, ведущий во дворец, и многие обратили внимание на эту сцену. Приглашенные аристократы то и дело останавливались, глаза по сторонам.

— Кто эта женщина? Почему в императорских одеждах? Впервые ее вижу.

— Это Пятая высочайшая особа. Она много лет страдает безумием и почти не показывается на людях, неудивительно, что ты ее не знаешь.

— Говорят, она еще и альфа.

— И что с того? Разве не бесполезный мусор?

Жун Хуэй стояла на виду у всех, закинув голову назад, пока ее волосы грубо натягивали, но ни

один из прохожих даже не подумал вмешаться или помочь.

Рядом с Жун Хуэй находился лишь Вэнь Лян. Будучи человеком маленьким и незначительным, он попытался урезонить хулигана:

— Четвертый высочайший особу, здесь столько посторонних глаз, прошу вас, отпустите ее.

Жун Фань даже не удостоил его взглядом и просто отмахнулся:

— Пшел вон.

Вэнь Лян, будучи самым заурядным бетой, не мог тягаться силой с курсантом военной академии из числа альф. От этого толчка он качнулся назад метра на два.

— Это место не для тебя. Матушка впервые устраивает столь пышный день рождения, если ты вдруг снова впадешь в припадок и начнешь лаять по-собачьи, разве это не выставит императорскую семью на посмешище? — Жун Фань с низким рыком дернул Жун Хуэй за волосы и брезгливо швырнул ее в сторону. — И ты тоже проваливай.

— Ваше Высочество, — Вэнь Лян поспешил ее поддержать.

Что за манера! Вечно норовит за волосы дергать! Она тридцать один год берегла каждый волосок как зеницу ока!

Затылок Жун Хуэй саднило от боли, а внутри нее бушующим пламенем поднималась ярость.

Она подняла глаза, собираясь что-то высказать, но боковым зрением заметила окружающих роскошно одетых мужчин и женщин. Их изысканный макияж и безупречные манеры контрастировали с тем, что они собственными глазами наблюдали устроенное представление и глазели на происходящее словно на спектакль, а в их глазах читались лишь насмешка и презрение.

Слова застряли в горле, и Жун Хуэй внезапно ощутила удушающую волну.

Что это вообще за мир такой?

— Чего столбом стоишь? Почему не уводишь свою хозяйку? — последняя фраза предназначалась Вэнь Ляну.

Вэнь Лян тихо произнес:

— Ваше Высочество, давайте вернемся. Если вы действительно так голодны, я придумаю что-нибудь еще.

Никому нет дела до ее решений. Убедившись, что зрелище закончилось, толпа двинулась дальше. Проходя мимо нее двойками и тройками, люди даже не удосуживались бросить на нее взгляд.

Мелькали тени и отсветы.

Жун Хуэй уже очень-очень давно не подвергалась подобным унижениям.

Она выросла в детском доме, а режиссер приметил ее из-за внешности. Поначалу она не горела желанием соглашаться, но постановщик пообещал: если она сыграет эту роль, он переведет крупную сумму в фонд сиротского приюта.

Хотя директор напрямую ничего не говорил, она понимала: настало время платить по счетам за добро.

За первым разом последовал второй, а человеческая жадность ненасытна. Ее заставили шаг за шагом погружаться в этот мир шоу-бизнеса, благодаря чему директор открыл несколько приютов и частных школ, превратившись в известного местного мецената.

Разумеется, путь к славе не устилался лепестками роз: Жун Хуэй успела хлебнуть презрения, травли и оскорблений. Возвращаясь глубокой ночью в съемную квартиру, она неизменно получала звонки от директора с требованием пожертвовать еще немного денег.

Это стало последней каплей, сломавшей спину верблюду. Жун Хуэй чувствовала себя донельзя уставшей.

Однако она не расклеилась окончательно, а напротив, осознала: оказывается, всё это время она жила ради других, а чего же хочет она сама?

Тишина ночи была безмолвна, звезды сияли свободно.

Стоять на вершине и смотреть сверху вниз на всё, что вызывает у нее раздражение.

Контроль. Сила.

Вот чего она жаждала больше всего.

Жун Хуэй упивалась погоней за славой, властью и деньгами. Она охотно принимала

поверхностную лесть и ни капли не дорожила фальшивыми чувствами.

Ныне же, оказавшись в этом месте, всё будто вернулось к начальной точке.

Жун Хуэй криво усмехнулась.

Ну и пусть. В худшем случае придется начать всё сначала.

— Четвертый высочайший особа, прибыл генерал Лу! — какой-то человек подбежал со стороны и что-то зашептал на ухо Жун Фаню.

Глаза Жун Фаня мгновенно засияли, он вмиг преобразился, перестал обращать внимание на Жун Хуэй и поспешил следом за вестником.

— Ваше Высочество, — Вэнь Лян окликнул ее снова.

Жун Хуэй бесстрастно отвела взгляд:

— Пойдем назад.

Сейчас ее силенки слишком неравны, ввязываться в драку бессмысленно.

Не успели они с Вэнь Ляном сделать и пару шагов, как навстречу им вышел еще один мужчина. Он был облачен в такой же черно-золотой мундир, лишь с небольшими отличиями в крое.

Жун Хуэй практически мгновенно догадалась, кто перед ней.

— Пятая сестрица, — мужчина обладал смазливym лицом, а уголки его губ трогала мягкая улыбка. — Ты тоже пожаловала на день рождения Матушки?

Вэнь Лян склонился в поклоне:

— Приветствую Второго высочайшего особу.

Наученная горьким опытом, Жун Хуэй испытывала определенную настороженность к оставшимся четырем братьям и сестрам:

— Второй брат.

Хотя одежда была почти одинаковой, на Жун Мо она сидела куда более элегантно и аристократично, чем на Жун Фане.

— Сколько ты уже не виделась с Отцом и Матушкой? Сегодня Матушка будет невероятно рада твоему появлению. Пойдем-ка со мной, вместе зайдем внутрь.

— Я...

Не успела Жун Хуэй взвесить все за и против, как Жун Мо уже обнял ее за плечи и увлек в сторону шумного, роскошного дворцового зала.

<http://bllate.org/book/25523/3045019>